

Мои дорогие блокадники

Семья моей бабушки Анастасии Никифоровны Ивановой прожила и выстояла в блокаде Ленинграда в самые суровые дни от её начала до июля 1942 г. Мужья и братья ушли на фронт. Брат моей бабушки Павел окончил в июне 1941 институт инженеров водного транспорта и ушел добровольцем на фронт. По воспоминаниям моей тети Людмилы он погиб в боях на Чёрноморском побережье. К концу лета в городе остались 10 человек – 5 женщин: пробабушка Анна Ивановна Иванова (вырастила 7 детей), её четыре дочери – Мария, Анастасия, Евдокия и Елизавета (от 25 до 42 лет и пятеро детей от 2 до 9 лет. От пневмонии при отсутствии лекарств осенью 1941 года скончалась Елизавета - самая молодая из сестер, у которой осталась 4-летняя девочка Ирочка. Её удочерила старшая сестра Мария. Самым взрослым ребёнком в семье оказался мой папа Юрий Никонович – в ту пору 9^{-ти} летний Юра. Как единственный мужчина, он тушил зажигательные бомбы на крышах во время бомбёжек. Рассказывал нам спустя много лет, что не пропустил ни одной воздушной тревоги.

Столько бы лет не прошло с той поры, меня больше всего удивляет, насколько сильны духом были советские люди, женщины блокадного города, которые смогли в невероятных условиях холода и голода сохранить своих детей. Все дети выжили. От пневмонии при отсутствии лекарств скончалась Елизавета - самая молодая из сестер. У неё остался 4-летний ребёнок. Девочку Ирочку удочерила старшая сестра Мария. У моей тети Людмилы (дочери бабушки Марии), которой на начало войны было только 2 года, сохранилось письмо мужа Елизаветы, которое он писал ей и маленькой дочке Ирочке 03 марта 1942 года, беспокоясь об их судьбе в блокадном Ленинграде, не зная, что жены уже нет в живых.

Адрес: 14-10-100-100
Ваше почтение и уверенность
м
Крылову-Морозову
Генерал-майор
Министерства
См. в журнале
2. Давидов
Крылов-Морозов

ТРО
Воевод Ленинград
33

Мои дорогие Лиза и Уришолова!
Пожалуйста пишите мне, и наоборот
в то, что вы со мной, я
не могу себе представить, о каких
состояниях сейчас как вы здоровы, и
здоровы. Мои милые Лиза и Уришолова
я пишу все время по почте в М-д
но не какой-либо важности, а в общем
общем смысле, но сейчас нет возможности
по мне писать.
Моя как всегда я от вас не слышу
никаких новостей работы и т.д., может
быть вы мне пишете, что сейчас
еще сейчас пишу, но мне не знаю
известно, где вы есть.
Во последнее время я слышу 3-е
много новостей, и что работа на заводах
на другом, название моего предприятия
главное управление "Методора" И.И.В.С.
(2-й 13. Д. Остро) я здоров жизнь
моя в основном идет на работу.
Постоянно так же нет.

Мои бабушки – три оставшиеся сестры работали на Главпочтамте. Потрясает тот факт, что даже в таких невероятных условиях корреспонденция доходила до адресатов. Иногда – с опозданием, но доходила.

На самом деле воспоминания о блокаде были, видимо, настолько ужасны, что пробабушка Анна Ивановна, моя бабушка Тася, как мы её всегда называли дома, и её выжившие сестры (Мария и Евдокия) говорили об этом времени крайне неохотно. Бабушка Тася рассказывала, что тяжелее всего для неё была разрядка на уборку улиц от тел погибших.

Спасаясь от холода, естественно, люди сжигали в «буржуйках» газеты, книги, мебель. На рынке выменивались на продукты все более-менее ценные

вещи. Один раз у пробабушки украли продовольственные карточки для иждивенцев на целый месяц. Горю не было предела. Карточками поделилась подруга бабушки Марии, которая работала, жила одна и хотела чем могла помочь семье подруги, подкормить детей. У пробабушки был твёрдый порядок – обязательно пить горячую воду и есть 3 раза в день, хоть по чуть-чуть. Мои тётушки вспоминали, что забирались после еды под стол, чтобы попытаться найти хоть какие-нибудь крошки. Спасал семейный самовар XIX века. Кстати, он был взят впоследствии в эвакуацию, привезён обратно и сохранился у тёти Людмилы. Мой зять Сергей восстановил его, отчистил все медали, и мы пользуемся им на даче, вспоминая наших родных. Детей, кроме моего папы, как более старшего, пробабушка не выпускали на улицу одних. Всякие были случаи исчезновения детей.

Больше мои родные рассказывали о проживании в эвакуации с августа 1942 года, о переправе под обстрелом на катере через Ладогу, о том, как на их глазах взорвался соседний впереди идущий катер. А уехать им пришлось, как оказалось, до окончания войны в Красноярский край. Ехали целый месяц, в грузовых вагонах, сначала даже стоя.

Решение об эвакуации было принято пробабушкой Анной Ивановной, поскольку в обязательном порядке летом 1942 года эвакуировали женщин с двумя детьми. Старшая сестра Мария со своей уже 3-летней дочерью Людмилой и удочерённой племянницей Ириной, а также младшая сестра Евдокия, больная водянкой, не способная даже сидеть, с двумя детьми 4^х и 6^{ти} лет подлежали эвакуации. Пробабушка приняла мудрое решение – выжить можно только всем вместе, помогая друг другу в любой ситуации.

И они выжили, хотя в Сибири было тоже очень не просто. Ведь их там никто и не ждал.

Мой отец ходил пешком в любой мороз в соседний населённый пункт за несколько километров через лес в школу. Естественно, у него были отморожены щеки и уши. Все его родные, друзья, коллеги были едины в том, что он имел выдающиеся способности по русскому языку и литературе, обладал абсолютной грамотностью, постоянно занимался со всеми подрастающими двоюродными сестрами и братом, любил пересказывать детям книги, которые сам читал.

После возвращения из эвакуации, отцу с бабушкой пришлось уехать в Литву, поскольку их жильё в войну не сохранилось в Ленинграде, а в Литве жили родные мужа моей бабушки, который умер еще до войны. Папа, как

вспоминал неоднократно Януш Брониславович Данилевич, его школьный друг, слыл энциклопедистом, писал хорошие стихи. Не случайно он экстерном сдал школьную программу за один из учебных годов, ликвидировав сдвиг, вызванный военным временем, окончил среднюю школу в Швенчёнисе с золотой медалью. Естественно, Юрий Никонович поехал поступать в Ленинград, в университет им. А.А. Жданова, уговорил поехать и своих друзей. Его зачислили сразу, а вот его двух друзей не приняли, как они считали, как проживавших на оккупированной территории. Я.Б. Данилевич был по национальности поляком, тоже обладал хорошей школьной подготовкой, поступил в политехнический институт, став в последствии выдающимся учёным-энергетиком, академиком. Через год в Ленинград приехала поступать в университет и моя будущая мама.

Получив диплом с отличием, Юрий Никонович женился и поехал по распределению в Центральную Россию – г. Брянск. Он всегда считал, что место ленинградцев не в Ленинграде. Ленинградцы должны нести культуру своего города по всей России. Он был известным, талантливым журналистом, главным редактором комсомольской областной газеты «Брянский Комсомолец», которого помнят оставшиеся еще друзья и коллеги до сих пор. Он прожил 55 лет, скончавшись от инфаркта в канун Чернобыльской аварии в 1986 г. Где бы он ни был по специфике своей журналистской работы, его везде называли Юрием- ленинградцем.

Пробабушка Анна Ивановна дожила до 92 лет, моя бабушка пережила своего единственного сына на 8 лет. Всё старшее поколение ушло после 80 лет. К сожалению, дети войны ушли в более ранних возрастах, но они высоко ценили жизнь без войны, так искренне умели радоваться мирному небу над головой.

Памяти павших и переживших все ужасы войны и блокады Ленинграда будем достойны!

Кручинина И.Ю.